

А. М. Кротов

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Я. (ИАКИНФА) БИЧУРИНА

Жизнь и научная деятельность основоположника русского китаеведения Н. Я. (Иакинфа) Бичурина является примером беззаветного служения науке. Началось оно в Казанской духовной академии, где имелись условия, позволившие разбудить данную ему природой страсть к обретению знаний, впоследствии полностью им овладевшую. Оставаясь до самой своей смерти монахом, он был потерян для церкви, не своей воле ставшей фактором обуздания его неукротимой натуры.

В разных сферах жизни России и Беларуси всё более заметным становится присутствие православной церкви. Она активно осваивает открывающиеся для неё горизонты, стремится воспользоваться представляющимися перспективами, в том числе в сфере образования и науки. Это совсем неоднозначно воспринимается в обществе, религиозность которого невысока. Очевидно, что есть основания для выказывания озабоченности по поводу отношения православной церкви к науке, а также учёного мира к церкви. В этой связи представляется полезным посмотреть на примеры участия Русской православной церкви и отдельных её представителей в научной жизни России в обозримом прошлом, которые, возможно, объяснят мотивы такого участия и проиллюстрируют его характер.

Одним из них является жизнь и научная деятельность Никиты Яковлевича (Иакинфа) Бичурина (9 сентября 1777 – 23 мая 1853 г.), являющегося основоположником научного китаеведения России.

По сословному своему происхождению Никита Яковлевич, как «природный обыватель России», принадлежал к православному духовенству. Родился он в приволжском чувашском селе Акулево (ныне деревня Типнеры, Чебоксарский район, Чувашия) и имел русско-чувашские корни. В названном селе его отец, Яков Данилов, служил диаконом. В 1779 г. последний получил сан священника и перебрался в село Бичурино. Полученный приход был малоодоходным, потому глава семьи занимался крестьянским трудом, но безуспешно. Поскольку в 1785 г. Святейший Синод не позволил детям духовного

звания обучаться в светских заведениях вместо духовных, а архиепископ Казанский Амвросий издал строгое предписание доставлять детей духовенства для зачисления в Духовную семинарию в Казань [1, с. 16]. Судьба Никиты была предрешена – в том же году он оказался в числе семинаристов. Именно там он и получил свою фамилию (по названию прихода, в котором служил его отец).

В семинарии и академии, в которую в 1797 г. была преобразована семинария, Бичурин провёл 14 лет и считался одним из лучших учеников [2, с. 532]. Обнаружившиеся у него способности к наукам компенсировали отсутствие задатков, необходимых для будущего священнослужителя. К завершению курса обучения в 1799 г. Бичурин был уже в состоянии оценить свой потенциал, склонности и задатки, и принять ответственное решение, касающееся своего будущего. И оно было принято – он отказался от священнического служения, но, по рекомендации епископа Амвросия, ему покровительствовавшего, был оставлен на должности учителя информатории низшего отделения Казанской Академии, преподавать латинский и русский языки, священную историю и катехизис [1, с. 32]. Вряд ли происходящий из бедной семьи мальчик, не будь обязательного правила зачисления детей священников в духовные семинарии, получил бы возможность получить хорошее для своего времени образование. Несмотря на то, что, как уже было сказано, к религиозному служению мальчик не был предрасположен, воспитатели и педагоги оценили его живой ум, пытливость, незаурядные способности и сделали всё возможное, чтобы их развить. Проявлено было ими и немалое терпение, в основе коего лежало понимание того, что России нужны способные, хотя, может быть, и не очень удобные для церкви люди, которых надо воспитывать, а не отталкивать или ломать.

Такая тактика во многом себя оправдывала – 29 мая 1800 г. Никита Бичурин подал прошение казанскому архиепископу Серапиону о желании принять пострижение. Этого, как будто, давно ждали – 18 июля он был пострижен в монашество под именем Иакинфа и определён в число соборных иеромонахов Санкт-Петербургской Александро-Невской лавры. При этом власти Казанской епархии пошли на подлог – поскольку в свои 23 года Иакинф не мог быть возведён в сан иеродиакона, в его метрику был записан возраст в 30 лет. Его дальнейшее продвижение по лестнице церковных чинов было стремительным – 7 ноября 1801 г. Иакинф получил в управление Казанский Иоанновский монастырь [1, с. 33], а 16 мая 1802 г., будучи возведённым уже в сан архимандрита, был назначен настоятелем

Вознесенского монастыря в Иркутске и ректором духовной семинарии [1, с. 38].

Молодой настоятель к делам приступил довольно рьяно – в семинарии учредил богословский класс и ввёл преподавание светских дисциплин (истории, географии, европейских языков), а также взялся за укрепление дисциплины, что привело к конфликту с семинаристами и монастырской братией. Ситуацию усугубил тот факт, что сам настоятель не был чужд «мирских радостей». В частности, как было установлено полицией, он сожительствовал с некоей Натальей Петровой, которую держал под видом келейника-послушника [1, с. 44–45]. Согрешивший архимандрит был разжалован в монахи и отправлен в Тобольск учителем в семинарию, ректором которой был настоятель Знаменского монастыря архимандрит Михаил. К поставленному на путь исправления Бичурину начальство благоволило и проявляло деятельное участие в его судьбе. Оно не только давало ему возможность пользоваться библиотекой, но и слало положительные рапорты в Синод о достигнутых в его исправлении успехах [1, с. 47–48].

В это же время в Санкт-Петербурге готовилось посольство в Китай. 17.02.1805 г. чрезвычайным послом туда был назначен граф Ю. А. Головкин, знакомый с Н. Я. Бичуриным. Предлогом посольства были поздравление цинского императора Цзяцина с восшествием на престол и извещение о воцарении Александра I, хотя Цзяцин правил в Китае уже девять лет, а Александр I – четыре. Фактической целью являлось установление прочных торговых сношений между Россией и Китаем и уступка России Амура [3]. Одновременно с посольством в Пекин отправлялась и Русская духовная миссия (девятая по счёту), которая должна была сменить предыдущую, Восьмую, проводшую в Пекине 13 лет [1, с. 54]. Делами Девятой миссии занимался давний покровитель Иакинфа – митрополит Амвросий. Немалое стремление к тому, чтобы её начальником был назначен Иакинф, проявил граф Головкин.

Иакинф, как глава миссии, был обязан выполнять не только работу, соответствовавшую его формальному статусу, но и вести разведывательную деятельность, собирая сведения политического, торгово-экономического и военного характера, а также информацию о деятельности в Китае ордена иезуитов [1, с. 51]. По сути дела, Девятая Пекинская миссия должна была стать неофициальным дипломатическим представительством России в Китае.

Результаты миссионерской деятельности Иакинфа (находился в Пекине с 10 января 1808 г. до 15 мая 1821 г., хотя 1 декабря 1820 г.

туда уже прибыла Десятая миссия) были плачевными. Церковные здания и монастырское хозяйство находились в удручающем состоянии, а члены миссии (кроме самого архимандрита), оказавшись абсолютно непригодными ни для миссионерской, ни для научной работы, в условиях хронического безденежья подверглись моральному разложению [1, с. 60–61].

Научные достижения Иакинфа были, напротив, впечатляющими, однако церковное начальство ими совершенно не интересовалось. Оно выказывало большую обеспокоенность его пренебрежительным отношением к своим церковно-миссионерским обязанностям. Кроме того, иркутский губернатор, информированный о том, насколько нелестно о деятельности миссии отзываются китайские чиновники, не был по отношению к Иакинфу благорасположен. Так что возвращение миссионеров в Россию было непростым. Очень много сил и средств было потрачено Иакинфом на доставку в Петербург собранной в Китае библиотеки, весившей более 6 т. Содействовали ему в том, в основном, кяхтинские и иркутские купцы [1, с. 80–83].

Ко времени прибытия Иакинфа в Петербург (17 января 1822 г.) скончался давний покровитель Иакинфа, митрополит Амвросий, а новый митрополит Серафим (Глаголевский) в феврале 1822 г. начал судебное дело о «злоупотреблении и развратном поведении» архимандрита и членов Девятой духовной миссии. Через год (19 февраля 1823 г.) Синод приговорил Иакинфа к вечной ссылке в Соловецкий монастырь с лишением архимандричьего и священнического сана, но без исключения из духовного звания [4].

Как известно, монахам полезно смиряться, потому «отбившемуся от рук» в Китае Иакинфу следовало внушить смирение. 23 августа того же года указ Синода был утверждён, с поправками, императором Александром I и Иакинфа отправили в Валаам [5, с. 120].

В ссылке Иакинф находился под строгим надзором, что способствовало росту его «добропорядочности». В октябре 1824 г. синодальное начальство даже выплатило ему вознаграждение за миссионерскую службу – 4 100 рублей. Правда, выдали ему на руки всего 100 рублей, а остальные деньги было предписано положить в банк. На получаемые с них проценты Иакинфу разрешалось покупать книги и всякие необходимые ему мелочи. Вскоре, однако, архимандрит Иоанафан, «махнув рукой» на нерадивого монаха, несмотря на требования Синода, позволил ему вообще не исполнять правил монастырского устава, чем тот и воспользовался [1, с. 104].

С первых дней своей ссылки Иакинф прилагал усилия, направленные на то, чтобы обзавестись покровителями из числа

светской знати [6]. В результате ссыльным монахом, а точнее – его рукописями – заинтересовался граф Н. П. Румянцев, активно комплектовавший свою библиотеку. Видя этот интерес, Иакинф написал краткий отчёт о проделанной в Китае работе, в котором перечислил 17 сделанных вчерне переводов китайских летописей, словарей и научных трудов [6]. Список их был опубликован и привлёк к себе внимание научной общественности. И хотя надежды Иакинфа на графа Румянцева оказались тщетными, ибо 3 января 1826 г. тот скончался, ценность монаха как учёного стала очевидной для министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде, который стал ходатайствовать перед Николаем I о причислении Иакинфа к Азиатскому департаменту. В результате 1 ноября 1826 г. ссылка закончилась – Иакинф был переведён в Александро-Невскую лавру [1, с. 109–110]. Формально он оставался монахом, однако содержание (и немалое) получал от Министерства иностранных дел, к Азиатскому департаменту которого был причислен [7, с. 8]. Образ жизни Иакинф вёл сугубо светский. Со времён пребывания в Пекине он пристрастился к различным зрелищам, а особенно театру. Открыто посещать его он не мог, потому маскировался – переодевался, красил волосы, надевал очки [2, с. 534–535]. С тех же времён он никогда не ходил в церковь и не присутствовал на богослужениях [2, с. 543]. Духовного платья никогда не носил, предпочитая ему длинный китайский халат [8, с. 289–295]. Иакинф весьма активно посещал столичные кружки и салоны, где завязал много полезных себе знакомств, в т. ч. с А. С. Пушкиным, В. Ф. Одоевским, И. И. Панаевым и др. литераторами.

В научно-творческом отношении период с 1827 по 1834 г. был самым плодотворным в деятельности Бичурина. Он опубликовал 10 монографических изданий, в том числе «Записки о Монголии» в 2 томах (1828 г.) [8, 9]. Пришло и признание – 17 декабря 1828 года Иакинф был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду литературы и древностей Востока [6], а 7 марта 1831 г. – почётным иностранным членом Парижского Азиатского общества [1, с. 132].

В 1830–1832 гг. Бичурин, несмотря на противодействие синодального начальства, в качестве научного эксперта участвовал в экспедиции Министерства иностранных дел для обследования положения населения и состояния торговли у российско-китайской границы, возглавляемой П. Л. Шиллингом [1, с. 139]. В эти годы он закончил «Историю Тибета и Хухунора с 2281 года до Р.Х. по 1227 год по Р.Х. с картою на разные периоды сей истории» [11], которая была опубликована типографией Академии наук в 1833 г., перевёл

китайско-монгольско-маньчжурский словарь «Саньхэ бяньлянь», рукопись которого не сохранилась. Кроме того, несмотря на занятость научными исследованиями, Иакинф принял участие в создании в Кяхте школы китайского языка, став первым её преподавателем, автором программы обучения и учебных пособий [12, с.110].

В это же время Иакинф предпринял безуспешную попытку выйти из монашества, активно поддержанную его высокопоставленными светскими покровителями. Синодальное начальство пошло навстречу Иакинфу в данном его стремлении – 12 мая 1832 г. был издан указ Синода, позволявший Иакинфу отрешиться от монашеского сана. Но император Николай I данный указ не утвердил. Иакинф оставить монашество не смог, а его начальству было предписано держать его, как и прежде, в Александро-Невской лавре [1, с. 165–166]. При этом возможности работать на той ниве, которую он сам себе избрал, его никто не лишал. Более того, за изданное в 1834 г. «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени» Академия наук наградила Иакинфа полной Демидовской премией [1, с. 138]. Однако его научно-организаторские инициативы, требовавшие серьёзных вложений, поддержки не находили. Департамент, к которому Иакинф был приписан, нашёл ему более «полезное» применение – в феврале 1835 г. по просьбе кяхтинского таможенного начальства и согласия императора Иакинф был назначен учителем кяхтинской школы китайского языка и откомандирован в Кяхту [12, с. 110]. Организации учебного процесса он отдался с большим усердием. Очень интенсивной была и его научная деятельность – осенью 1837 г. к опубликованию была подготовлена трёхтомная рукопись «Свода узаконений Великой Цин» [7, с. 10].

В январе 1838 г. Иакинф, наконец, возвращается из своей затянувшейся командировки в Петербург и с головой окунается в ту жизнь, которая его к себе давно манила. Здесь он вновь становится завсегдагдем светских и научно-литературных салонов. При этом его работоспособность оставалась поразительной. В 1838 г. вышла «Китайская грамматика», за которую Иакинф был удостоен второй Демидовской премии [1, с. 189–191]. В том же году Иакинф представил рукописный перевод японского каталога «Описания китайских монет», а также составил описание и каталог маньчжурских, китайских и японских изданий, поступивших в библиотеку Академии наук из собрания покойного П. Л. Шиллинга [1, с. 191–192].

В 1838–1840 гг. опубликовал 9 статей разнообразной тематики в журнале «Отечественные записки». В период с 1842 г. по 1848 г. были

опубликованы три его книги, но лишь одна из них – «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (1848 г.) [13] – была встречена читающей общественностью с большим интересом.

Последним крупным (и самым значимым) трудом Иакинфа стало «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Начал он его, судя по всему, сразу после возвращения из Пекина, а закончил к концу 1847 г. 17 апреля 1847 г. Академия наук за этот труд присудила Иакинфу полную Демидовскую премию и выделила дополнительно 1000 рублей на его опубликование. В марте 1851 г. он вышел в 3-х томах под названием «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» [14].

Во время подготовки текста к печати Иакинф, никогда не отличавшийся отменным здоровьем, заболел холерой. И хотя он смог вылечиться, болезнь не прошла бесследно. В 1848 – начале 1850-х годов силы стали его оставлять. Появились признаки душевного расстройства и очень быстро стали прогрессировать. После очередного сильного приступа, случившегося у Иакинфа в начале 1852 г., родственники отправили его в монастырь. Монастырская братия не заботилась о своём больном нерадивом собрате. Когда дела Иакинфа стали совсем плохи, за умирающим вообще перестали ухаживать и даже лишили его пищи на том основании, что «его ждёт пища небесная» [2, с. 558–559].

Умер Иакинф 11 мая 1853 г. в окружении монахов [15, с. 24], для которых он никогда не был своим, и был тихо похоронен ими в тот же день. Родственники узнали о его кончине из небольшого некролога, напечатанного в газете «Северная пчела».

Так закончилась жизнь человека, для которого наука стала смыслом жизни. Церковь в лице наставников Николая Бичурина в Казанской духовной семинарии (а потом – академии) распахнула ему двери в мир, который его полностью поглотил, она же поощряла его к развитию заложенных в нём способностей. Церковное начальство, в основном, «сквозь пальцы» смотрело на его поведение и покрывало многие его проступки. В конце концов, Синод дозволил Иакинфу даже отрешиться от монашества. Церковь проявила к нему большее милосердие, чем государство, которому он служил. Оно не только лишило его свободы, заставляя жить по правилам сословия, к которому он принадлежал, но и по максимуму использовало его исследовательский потенциал, предоставив ему то, чем он, как монах, просто не мог в полной мере воспользоваться... Деньги, которые выплачивались ему за его труды, он большей частью тратил на новые свои исследования.

Список источников и литературы

1. Денисов, П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине / П. В. Денисов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2007. – 335 с.
2. Моллер, Н. С. Иакинф Бичурин в далёких воспоминаниях его внуки / Н. С. Моллер // Русская старина. – 1888. – № 9. – С. 525–560.
3. О посольстве в Китай графа Головкина [Электронный ресурс] / сообщ. В. Н. Баснин. – М., 1975. – 105 с. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003545845#?page=1>. – Дата доступа: 18. 11. 2017.
4. Иакинф // Новый энциклопедический словарь. – 1911. – Т. 20. – С. 19–20.
5. Мясников, В. С. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н. Я. Бичурина / В. С. Мясников, И. Ф. Попова // Вестник Российской Академии наук. – 2002. – Т. 72, № 12. – С. 1099–1106.
6. Мясников, В. С. Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию наук / В. С. Мясников // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 5. – С. 124–132.
7. Хохлов, А. Н. Свод законов маньчжурской династии Цинн – документальная основа публикаций Н. Я. Бичурина о современном ему Китае / А. Н. Хохлов // Бичурин, Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н. Я. Бичурин. – М.: Восточный Дом, 2002. – С. 5–28.
8. Моллер, Н. С. Иакинф Бичурин в далёких воспоминаниях его внуки / Н. С. Моллер // Русская старина. – Т. 59, № 8. – 1888. – № 8. – С. 272–300.
9. Бичурин, Н. Я. Записки о Монголии: в 2 т. Т. 1. / Н. Я. Бичурин. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1828. – 231 с.
10. Бичурин, Н. Я. Записки о Монголии: в 2 т. Т. 2. / Н. Я. Бичурин. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1828. – 340 с.
11. Бичурин, Н. Я. История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р. Х. до 1227 года по Р. Х. с картою на разные периоды сей истории [Электронный ресурс] / Н. Я. Бичурин. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_1830_huhunor1.shtml – Дата доступа: 25. 11. 2017.
12. Скачков, П. Е. Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков. – М.: Наука, 1977. – 505 с.
13. Бичурин, Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии [Электронный ресурс] / Н. Я. Бичурин. – М.: Восточный

Дом, 2002. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bichurin_i/text_0230.shtml – Дата доступа: 24. 11. 2017.

14. Бичурин, Н. Я. [Иакинф]. Сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена [Электронный ресурс] / Н. Я. [Иакинф] Бичурин. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/Bicurin/Sobr_sved_o_narodach/sobr_sved_moskvitjanin_1851.htm – Дата доступа: 21. 11. 2017.

15. Хохлов, А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о цинском Китае / А. Н. Хохлов // Бичурин, Н. Я. Статистическое описание Китайской империи / Н. Я. Бичурин. – М. : Восточный Дом, 2002. – С. 5–29.

УДК 271.2-764-9:94(510)«1898-1901»

С. А. Лапицкий

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В КИТАЕ В ПЕРИОД ВОССТАНИЯ ХЭТУАНЕЙ

В статье рассматривается деятельность Российской православной миссии в Китае в период восстания ихэтуаней. Автор доказывает, что иностранные религиозные миссии в Китае имели серьёзные привилегии и активно поддерживались своими странами. В своей деятельности религиозные миссии покушались на суверенитет Китая, вмешивались в государственные дела. Как часть инструмента колонизации Китая миссии стали естественной целью восставших.

Деятельность Российской православной миссии в условиях восстания ихэтуаней (или «боксёров») интересна не только вовлечённостью миссии в процесс роста взаимного раздражения между китайцами и иностранцами, но и той ролью, которую миссия, не по своей воле, сыграла в истории китайско-российских отношений.

Деятельность Российской духовной миссии в Китае в конце XIX века нельзя рассматривать в отрыве от работы миссий других стран. Наибольшей активностью отличались французская, для которой Франция добилась больших привилегий, и германская, ставшая главным средством проникновения Германии в Китай. Тяньцзиньский русско-китайский договор 13/1 июня 1858 г. [1, с. 58–59] и Дополнительный Пекинский русско-китайский договор 14/2 ноября 1860 г. [2, с. 76–77] устанавливали для России режим «наибольшего